Отзыв

об автореферате диссертации ОВЧИННИКОВА ДЕНИСА ПАВЛОВИЧА «Малороссийский текст в творчестве Н. В. Гоголя на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

В меру моей профессиональной компетенции решаюсь высказать несколько суждений по вопросу идей автора, сформулированных им в Автореферате указанной диссертации.

В представленном к защите сочинении изложены и аргументированно развёрнуты методологические и исследовательские аспекты изучаемой проблематики. Первое, что подчёркивается в Диссертации, следует назвать идею синтеза культурологических и собственно филологических координат, в системе которых находит осмысление фактологический материал, включая сюда давнюю и современную научную литературу о творчестве Гоголя (см.: с. 3 Автореферата).

Известно, что вхождение культурологического анализа в пространство литературоведения приветствуется далеко не всеми. Некоторые филологи выказывают боязнь этой, как им представляется, экспансии, подчёркивается опасность логической неопределённости в восприятии языковой специфики писательского творчества. Однако при умелом использовании познавательных стратегий культурологии эффективность филологических подходов, несомненно, возрастает. Д. П. Овчинников выдвигает категорию *текста* как фундаментальный ингредиент логоцентрической картины мира, причём, отрефлектированной в его вертикальной направленности. Последнее весьма важно по нескольким причинам. Во-первых, такая центрированность художественных произведений сразу же переводит их в иное, именно, онтолого-космическое измерение. В наших трудах, посвящённых данной проблеме, показано, что названная специфика, берущая начало в фольклорном творчестве и нашедшая развитие в произведениях индивидуального стиля, составляет неотменную черту всей русской литературы.

Во-вторых, эта коррекция топологии и внутреннего содержания искусства слова настоятельно требует изменений в оптике литературных стилей – глазами и разумом учёных-филологов. Как известно, макроисторическая типология литературы различает слово мифологическое, риторическое и антириторическое. В традиционной аксиологической классификации их смыслы и стилистические индикаторы явственно дифференцированы и сохраняют память о своём происхождении. В тексте, который, как указано в Диссертации, *космичен*, всё сосуществует, всё – одновременно и «всё – во всём» – как главный принцип мифологемности мышления. Литературоведение, к сожалению, должным образом не

отрефлектировало эту специфику гоголевского стиля. В новейших же теориях поэтического языка, в частности, в его лосевской версии, акцентируется не плоско-линеарная смена смыслов, а явление *наложения* смысловых слоёв, откуда и возникает их полисемантизм и многомерность, вызывающие в стиле так называемые *складки* и вообще *фигурность*, о чём убедительно писал, в своё время, А. Белый.

Вертикальная масштабированность поэтологической архитектуры стиля привела писателя к пониманию «уранического (небесного) начала или космоустроительного логоса» как основополагающей творческой мифологемы (см.: там же, с. 3). В связи с вышесказанным, исследование текста – это процесс символического раскрытия внутренней связности элементов сотворённого человеком словесного мира, вырастающий непосредственно из предпочтения и почитания мира небесного. Именно здесь зашифрован основной код художественного мышления Гоголя, код, связавший содержание и форму творчества в телеологически единую структуру.

Отмечу продвинутые позиции автора исследования в деле прояснения того, что он именует реципиентом, включая сюда и авторское, то есть демиургически-индивидуальное сознание. А это указывает на то, что Д. П. Овчинников знает и фиксирует текстовую функциональность *самого себя мыслящего слова* – в поэтологической морфологии Гоголя. По состоянию на сегодняшний день данная категория обозначает высшую ступень в уяснении созидательного потенциала и аксиологических ресурсов эстетического высказывания и стиля в его целостности.

В контексте мифологемного ряда с его текстообразующими импульсами и функциями убедительно развёрнуты суждения автора Диссертации о вхождении малороссийского текста в архитектонику стиля, в котором совмещаются разные позиции и точки говорения. Но тут я ограничусь лишь указанием на присутствие этой проблемы вы составе диссертационного исследования, давая знать о большой ценности самого внимания к данной теме, поскольку, по Лосеву, голос, а то и интенциональная означенность или явленность реципиента-автора есть не что иное, как характерная мифологическая точка говорения. Да, сложная проблема! Итогом же такого хода исследовательской мысли является обнаружение (вскрытие) внутренних резервов художественного текста Гоголя как целостно-интеграционной системы (с. 5) – в срезе эстетических, коммуникативных и социально-нравственных установок автора. Тут диссертант педалирует проблемы утопичности художественного мира писателя, вопрос о воздействии пространства Малороссии на сознание Гоголя как реципиента и мн. др. Всё это освещается сквозь призму сотериологического понимания логоса. Она-то, эта призма, и консолидирует творческую идею писателя, которая реализуется, как помним, путём взаимного наложения смыслов, источающихся из ядра замысла и как бы изливающихся друг на друга. Это – скрытые пружины того символизма, который диссертант стремится уяснить на уровне поэтологической

специфики литературных творений. Конечно, данная творческая ситуация как *событие стиля* не мыслима вне её связи с «ночным» началом в романтических описаниях пейзажа, олицетворяющих его сакральную сущность. Наблюдение – точное! Но значимость мглистого (хтонического) зловещего смысла у Гоголя охватывает сферы духовного и душевного самочувствия персонажей. Как раз в этой области даёт о себе знать *тайна* творчества, умение художника обнаружить и проникнуть в её глубины. Ко всему прочему, здесь, по слову Ф. Тютчева, «шевелится» и то, что в эстетике и теории литературы определяется термином «невыразимое», а также, заметим, и страшное, но соблазняющее своими прельщениями.

Скажем и о том, о чём в Диссертации следовало бы написать хотя бы кратко и схематично. Первое, что здесь стоит на очереди, – это – вопрос об украизмах в составе стиля. Начиная с В. Белинского, их относят к разряду стилистических шероховатостей, а то и просто ошибок. При этом отмечали а-грамматизм подобных образований. При том понимании стиля, которое предлагается Д. П. Овчинниковым, речь идёт о различных точках говорения – вплоть до установки на авторское бессловесное-бессодержательное-полое (А. Ф. Лосев) состояние. Произведение – это «говорящее» (М. Бахтин), а мы добавим, и молчащее бытие. Речь, какой бы она ни была: русской, украинской или иной, всегда «речится» (Ф. И. Гиренок) на фоне молчания, образуя всей полнотой указанной составности структуру стиля.

Читая труды молодых исследователей, я не впервые сталкиваюсь с желанием оберечь изучаемого писателя от драматических, порою острейших вопросов его жизни и культурного контекста. Это – трогательно, но не похвально. В нашем случае речь идёт об умолчании темы «Гоголь и Пушкин». Ясно, что в диссертации всего не скажешь, но два аспекта этой обширной темы достойны того, чтобы быть эксплицированными. Первый из них – из области психологической. Известный современный специалист по русской литературе пишет, что «незадолго до своей гибели Пушкин успел приобщить к ”несметному богатству русского духа“ Гоголя, потряся (sic! – В. Р.) его ”хохлацкую душу“ и передал какие-то существенные элементы открывшейся ему ”науки дивной“» (*Водолагин А. В.* Русское познание Бога. Философия духа в России. М.: Вече, 2019. С. 25 – 26). Речь идёт о *русскости* «как всеопределяющем факторе нашего победоносного шествия в мировой истории». Цитированный исследователь также указывает, что «без определения специфической двойственности (основанной на синтезе язычества и христианства – В. Р.) и утопической направленности этого ”духа народа“ вряд ли формула русской истории может быть найдена» (*Там же.* С. 29). Учёный продолжает, замечая, что *русскость* как философско-художественный принцип составляет сущность и специфику творчества как Пушкина, так и Гоголя, идущими за ними Л. Толстого и Ф. Достоевского – с его «фантастическим реализмом», без чего никак не обойтись, ибо тут имеется в виду «всегда готовый к импровизациям рискованный русский дух, который, несмотря на своё миролюбие и плутовскую приземлённость, рвётся за пределы мирского бытия, требуя чего-то большего и, как таковой, является

трансцендирующим к Трансцендентному. Из этой духовной предрасположенности русских», (заметим, это – во-вторых – В. Р.), говорится далее, «и проистекает наша страсть к утопии и гибельному прожектёрству, любовь к смертельно опасным пробам и экспериментам, стремление *несбывшееся – воплотить*» (*Там же.* С. 29). Как видим, исследовательский поиск Д. П. Овчинникова развивается в обрисованном направлении. Ещё бы несколько мазков, и была воссоздана картина объёмного и плодотворного содружества Гоголя с гениями русской литературы. Я высоко ставлю проделанную автором диссертации работу по анализу национально-архетипических особенностей творчества Гоголя и желаю молодому учёному приумножения успехов на этом пути.

Во второй главе сочинения «Малороссийский филэллинизм Н. В. Гоголя…» сказано много важного и связанного с идеалом античности в его сближенности «с высшим спасительным идеалом православия» (с. 11). Эта часть труда читалась мною с особым интересом. Но в плане дальнейшего обсуждения темы мне хотелось, чтобы диссертант уделил бы внимание размышлениям над следующими вопросами.

Во-первых, в давней научной литературе давно обсуждается вопрос о характерологии в произведениях Гоголя. Выдвигалась идея персонажей как *масок*, их антипсихологизм и статуарная цельность, на основе которой строилась образная система как застывшая антропологическая данность. И это, пожалуй, верно. Д. П. Овчинникову по силам развить эту мысль с обогащением её телесно-вещественных аспектов, что было бы полезным вкладом в понимание эстетических особенностей стиля, в частности, «Мёртвых душ».

Второе касается вопроса о «прогнозировании процесса развития возможностей реципиента», а далее следует несколько затемнённая форма изложения. Читается она так: «…для осуществления в действительности персонального вселенского простора». Как хотите, так и понимайте этот синтаксически удлинённый период. На месте автора диссертации я выбрал бы один из аспектов проблемы, а именно – сюжетно-характерологической эволюции в её динамике и соотнесённости с творческим замыслом. Здесь много интригующих моментов. Во всех случаях необходимо избегать полагания тривиальной логики или её ожидания. Как пример – поведение Татьяны, удивившей Пушкина.

Подчиняясь канонам жанра, не допускающих пространной формы отзывов о рефератах диссертаций, я оставляю перо, при этом надеюсь, что даже беглый обзор мною прочитанных материалов даёт представление об обширной эрудиции автора сочинения, его высокой теоретико-методологической подготовке как решающего фактора при оригинальном осмыслении произведений Гоголя. Тут соединены в единое целое философия и филология, а также культурологическая рефлексия, давшие возможность сформулировать представления Д. П. Овчинникова о новых подходах и горизонтах творчества гениального русского писателя. Представленный к защите труд соответствует пунктам 9, 10, 11, 13 и 14 регламентирующих

Положений ВАК; автор же диссертации, несомненно, достоин присуждения ему учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

«9» января 2020 г.

Главный научный сотрудник научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества при Ивановском филиале частного образовательного учреждения высшего образования «Институт управления»
Валерий Петрович Раков

Валерий Петрович Раков
Доктор филологических наук специальность 10.01.01 – Русская литература
Должность: Главный научный сотрудник научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества при Ивановском филиале частного образовательного учреждения высшего образования «Институт управления»
Адрес: 153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90 литер А5.
Тел. моб.: 8-910-988-04-00
Тел. раб.: 8 (4932) 42-43-33

Подпись В.П. Ракова заверяю:

Заместитель директора по НИР, профессор
Ивановского филиала
ЧОУ ВО «Институт управления» А.А. Федотов